

И.И. Матвеева

Воцев

Центральный персонаж повести А.П. Платонова «Котлован», печальный философ. Воцеву тридцать лет, он прошел половину жизненного пути и стоит на пороге духовного выбора. Воцев страдает от «неистинности» и бессмысленности жизни, его мучают неразрешимые вопросы о смысле жизни, поэтому он робок, грустен и у него «скучное лицо». В день, когда Воцеву исполняется тридцать лет, его увольняют с небольшого механического завода «вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда». Завком отказывает в защите «несознательному» рабочему, стремящемуся «среди производства» «выдумать что-нибудь вроде счастья», от которого «улучшилась бы производительность» труда. Свое решение завком мотивирует тем, что «завод работает по готовому плану треста» и что «государство дало лишний час на... задумчивость» — рабочие трудятся теперь вместо восьми — семь часов. Вывод завкома звучит угрожающе: «...Ты бы жил — молчал. Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет».

Покончив с прошлой упорядоченной жизнью, Воцев отправляется в неизведанный путь, «где был перед ним лишь горизонт и ощущение ветра в склонившееся лицо». Воцев видит иную жизнь, существующую по другим законам. Он встречает людей, которые ищут забвения за кружкой пива, становится свидетелем ссоры супругов в доме «шоссейного надзирателя». Воцев понимает, что эти люди несчастны: «Он увидел, что мать и отец не чувствуют смысла жизни и раздражены, а ребенок живет без упрека, вырастая себе на мученье». Воцев, верящий в счастливое завтра, вмешивается в ссору и произносит программные слова о приоритете будущего перед настоящим: «...Чтите своего ребенка... когда вы умрете, то он будет».

Вскоре Воцев приходит в город, на окраине которого, возле кузницы, встречает пионерский отряд. От бодрого марша девочек на Воцева повеяло «сознанием серьезности жизни», «счастьем детской дружбы». Воцев с робостью смотрел на шествие взволнованных детей и «стыдился, что пионеры, наверное, знают и чувствуют больше его, потому что дети — это время, созревающее в свежем теле». Воцев видит хрупкость и незащищенность ребятишек и чувствует ответственность за них. Пионеры помогают ему ощутить свою жизненную задачу («он захотел немедленно открыть всеобщий, долгий смысл жизни»).

Воцев настолько трепетно относится к детству, что решает защитить выбежавшую из шеренги девочку от нескромных взглядов «могучего инвалида» Жачева. «Я испугался, что ты на ту девочку свое слово скажешь или подействуешь как-нибудь», — объясняет он инвалиду. Но оскорбленный в лучших чувствах Жачев обвиняет Воцева в незнании реальной жизни. «Когда мужик войны не видел, то он вроде нерожавшей бабы — идиотом живет. Тебя ж сквозь скорлупу всего заметно».

До вечера ходит Воцев по городу, ощущая «нарастающую силу горящего ума». В самом центре города он наблюдает «строительство неизвестной башни», где люди трудятся спокойно и деловито. Воцева мучают сомнения, «не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки... Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?»

Поздно ночью Воцев засыпает на пустыре, в теплой яме. Его будит человек с косою в руках, который советует ему идти спать в барак. В дощатом сарае, куда Воцев приходит по совету косаря, спали строители будущего дома — семнадцать или двадцать человек. «Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было

занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряженного труда... Воцев всмотрелся в лицо ближнего спящего — не выражает ли оно безответного счастья удовлетворенного человека. Но спящий лежал замертво, глубоко и печально скрылись его глаза, и охладевшие ноги беспомощно вытянулись в старых рабочих штанах». От этого зрелища Воцев чувствует «холод усталости» и засыпает «среди тел спящих мастеровых».

Утром рабочие принимают Воцева в свое братство, безошибочно определив по его худому телу, что «класс его бедный». В этот день артель начинает постройку «единого здания, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата». Воцев видит в строительстве дома возможность осуществить свое жизненное предназначение — найти истину. Ему кажется, что строители котлована уже давно познали ее — и решает остаться. Счастливое будущее воплощается для него в образе прочного общепролетарского дома, «из высоких окон» которого, как ему кажется, «будущий человек будет спокойно глядеть в простертый, ждущий его мир» и «бросать крошки из окон живущим снаружи птицам».

После небольшого митинга артель приступает к рытью котлована. «Воцеву дали лопату, он сжал ее руками, точно хотел добыть истину из земного праха». Однако «к полудню усердие Воцева давало все меньше и меньше земли, он начал уже раздражаться от рытья и отстал от артели». Жалея своих товарищей больше, чем себя, он призывает их отдохнуть, побережь себя для будущего. «Пора пошабашить! А то вы уморитесь, умрете, и кто тогда будет с людьми?» Но строители упорно работают до самого вечера, и Воцев «не услышал себе слова в ответ».

Скоро Воцев понимает, что строители котлована не знают истины. «Говорили, что все на свете знаете... а сами только землю роете и спите! Лучше я от вас уйду... все равно мне без истины стыдно жить». От сознания «неистинности» дела, которым занимается артель, Воцев затосковал.

Появление на котловане маленькой девочки Насти Воцев расценивает как чудо, как надежду на обретение в будущем другими людьми смысла жизни. «Воцев попробовал девочку за руку и рассмотрел ее всю, как в детстве он глядел на ангела на церковной стене, это слабое тело, покинутое без родства среди людей, почувствует когда-нибудь согревающий поток смысла жизни, и ум ее увидит время, подобное первому исконному дню».

Воцев — один из немногих на котловане, кто не поддается влиянию политических лозунгов. Ему «беспричинно стыдно от долгих речей по радио». Правда, в отличие от Жачева, он не протестует против угнетения души, он лишь все больше грустит. Когда же на котлован пришел «громадный, опухший от ветра и горя, голый» человек за найденными и изъятыми Чиклиным крестьянскими гробами, Воцев «тихим шагом скрылся в поле и там прилег полежать, не видимый никем, довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств».

Воцев не может участвовать в строительстве, ради которого у крестьян отбирается их последняя собственность. По следу, оставленному связанными вместе гробами, Воцев отправляется в деревню, в «край согбенных плетней», чтобы там, «в бедняцком колхозном сиротстве», попытаться обрести истину. Несмотря на яркое солнце, у Воцева нерадостно на душе. Пейзаж подчеркивает его грустное настроение. «Он осмотрелся вокруг — всюду над пространством стоял пар живого дыхания, создавая сонную, душную незримость; устало длилось терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление».

Вновь Воцев возвращается на котлован вместе с ушедшим когда-то со строительства «подкулацким мужиком», чтобы забрать оставшиеся у Насти два гроба для убитых в деревне Козлова и Сафронова. К этому времени, став участником коллективизации в деревне, Воцев еще больше погрузился и устал от жизни. Он понял, что «котлован» строится не только в городе, но и в деревне. Ночью, по дороге в деревню «Воцев,

опершись о гробы спиной, глядел с телеги вверх... Он ожидал, когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни. Не надеясь, он задремал». Вощев мечтает о конце света, «о прекращении вечности времени». Конец света он ассоциирует с наступлением рая на земле, где все люди — живущие ныне и давно умершие — объединятся в счастливое братство.

На следующий день деревенский Активист сообщил Чиклину и Вощеву, прибывшим в колхоз имени Генеральной Линии, что «директивой товарища Пашкина» им приказано всячески помогать колхозному движению. Между тем душа Вощева не находит успокоения. Ночью он «лежал без сна и сомневался».

Вощев грустит о «далекой, несбыточной» мечте, тогда как дневные колхозные мероприятия рождают в нем чувство протеста. Например, «звездное шествие колхозных пешеходов» вызывает у него острый приступ тоски («Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете — скучно и босой»). Подтверждение печальности и трагичности деревенской жизни Вощев и Чиклин находят в каждой избе, куда заходят, чтобы лучше познакомиться с крестьянской жизнью. Они видят умирающих от голода мужиков, слезы и горе тех, кто отдал на колхозный двор скотину.

Вощев, добрый и мягкий человек, тем не менее способен исполнять самые бесчеловечные приказы. По указанию Чиклина он бьет по лицу «подкулачника» на Оргдворе; по распоряжению Активиста строит плот, на котором непокорную часть крестьянства отправляют вниз по реке в открытое море. В то же время по собственной инициативе Вощев не участвует ни в одном жестоком мероприятии: он не раскулачивает крестьян, не сплавляет их по реке, не присутствует на народном гулянье. Во время «праздника» он в одиночестве бродит по деревне и собирает «все нищие отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятство — для социалистического отмщения <...> Вощев... скопил в мешок вещественные остатки потерянных людей, живших, подобно ему, без истины и которые скончались ранее победного конца. Сейчас он предъявлял тех ликвидированных тружеников к лицу власти и будущего, чтобы добиться отмщения — за тех, кто тихо лежит в земной глубине». Все найденное Вощев передает Насте, чтобы она в счастливом будущем не утратила память о трагическом прошлом.

После смерти Активиста Вощев ощущает духовное освобождение. Над его бездыханным телом он неожиданно прозревает, что вина за безмолвное и бессмысленное существование лежит на руководителях, подобных Активисту, умышленно скрывающих истину. «Так вот отчего я смысла не знал! Ты, должно быть не меня, а весь класс испил, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуща, и не знаем ничего!» Прозревший Вощев чувствует в себе силы изменить положение дел в колхозе. «Теперь я буду за вас горевать!» — говорит он крестьянам. Поддержанный ими, Вощев остается в деревне, в то время как остальные артельщики вместе с больной Настей возвращаются на котлован.

На следующий день Вощев приводит па стройку весь колхоз. «Мужики в пролетариат хотят зачислиться», — объясняет он свой поступок. Увидев умершую Настю, он испытывает страшное потрясение от утраты веры в будущее. «Вощев... уже не знал, где теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем же ему теперь нужен смысл жизни и истина, если нет маленького верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением?»